

Историческое значение деятельности Петра

Мы приступили к изложению эпохи преобразований с тем убеждением, что эта эпоха была обусловлена всем ходом предшествовавшей исторической жизни России. Мы ознакомились поэтому с существенными чертами допетровской жизни, как она сложилась к тому моменту, когда начал свою деятельность Петр. Мы изучали затем воспитание и обстановку детства и юности Петра, чтобы ознакомиться с тем, как развилась личность преобразователя. И, наконец, мы рассмотрели сущность реформационной деятельности Петра во всех ее направлениях.

К какому выводу приведет нас наше изучение Петра? Была ли деятельность традиционной или же она была резким неожиданным и неподготовленным переворотом в государственной жизни Московской Руси?

Ответ довольно ясен. Реформы Петра по своему существу и результатам не были переворотом; Петр не был «царем-революционером», как его иногда любят называть.

Прежде всего деятельность Петра не была переворотом политическим: во внешней политике Петр строго шел по старым путям, боролся со старыми врагами, достиг небывалого успеха на Западе, но не упразднил своими успехами старых политических задач по отношению к Польше и к Турции. Он много сделал для достижения заветных помыслов Московской Руси, но не доделал всего. Покорение Крыма и разделы Польши при Екатерине II были следующим шагом вперед, который сделала наша нация, чем прямо продолжено было дело Петра и старой Руси. В политике внутренней Петр недалеко ушел от XVII века. Государственное устройство осталось прежним, полнота верховной власти, формулированная царем Алексеем в словах Деяний Апостольских, получила более пространное определение при Петре в Артикуле Воинском¹, в указах, наконец, в философских трактатах Феофана Прокоповича. Земское самоуправление, имевшее не политический, но сословный характер до Петра, осталось таким же и при Петре. Над органами сословного самоуправления, как и раньше, стояли учреждения бюрократические, и хотя внешние формы администрации были изменены, общий тип ее оставался неизменным: как и до Петра, было смешение начал личного с коллегиальным, бюрократического с сословным.

Деятельность Петра не была и общественным переворотом. Государственное положение сословий и их взаимные отношения не потерпели существенных изменений. Прикрепление сословий к государственным повинностям осталось во всей силе, изменился только порядок исполнения этих повинностей. Дворянство при Петре не достигло еще права владения людьми как сословной привилегии, а владело крестьянским трудом лишь на том основании, что нуждалось в обеспечении за свою службу. Крестьяне не потеряли прав гражданской личности и не считались еще полными крепостными. Жизнь закрепощала их все более, но, как мы видели, началось это еще до Петра, а окончилось уже после него.

В экономической политике Петра, в ее целях и результатах, также нельзя видеть переворот. Петр ясно определил ту задачу, к решению которой неверными шагами шли и до него, – задачу поднятия производительных сил страны. Его программа развития национальной промышленности и торговли была знакома в XVII в. теоретически Крижаничу, практически – Ордину-Нащокину. Результаты, достигнутые Петром, не поставили народного хозяйства на новое основание.

¹ Арт. 20: «...Его Величество есть самовластный монарх, который никому на свете о своих делах ответу дать не должен; но силу и власть имеет свои государства и земли, яко христианский государь, по своей воле и благомнению управлять».

Главным источником народного богатства и при Петре остался земледельческий труд, и Россия, имея после Петра более 200 фабрик и заводов, была все-таки земледельческой страной, с очень слабым торговым и промышленным развитием.

И в культурном отношении Петр не внес в русскую жизнь новых откровений. Старые культурные идеалы были тронуты до него; в XVII в. вопрос о новых началах культурной жизни стал резко выраженным вопросом. Царь Алексей, отчасти и царь Федор, вполне являлись уже представителями нового направления. Царь Петр в этом – прямой их преемник. Но его предшественники были учениками киевских богословов и схоластиков, а Петр был учеником западноевропейцев, носителей протестантской культуры. Предшественники Петра мало заботились о распространении своих знаний в народе, а Петр считал это одним из главных своих дел. Этим он существенно отличался от государей XVII в. Так, Петр не был творцом культурного вопроса, но был первым человеком, решившимся осуществить культурную реформу. Результаты его деятельности были велики: он дал своему народу полную возможность материального и духовного общения со всем цивилизованным миром. Но не следует, однако, преувеличивать этих результатов. При Петре образование коснулось только высших слоев общества, и то слабо; народная же масса пока осталась при своем старом мировоззрении.

Если, таким образом, деятельность Петра не вносила по сравнению с прошлым ничего радикально нового, то почему же реформы Петра приобрели у потомства и даже современников Петра репутацию коренного государственного переворота? Почему Петр, действовавший традиционно, в глазах русского общества стал монархом-революционером?

На это есть две категории причин. Одна – в отношении общества к Петру, другая – в самом Петре.

На русское общество реформы Петра, решительные и широкие, произвели страшное впечатление после осторожной и медлительной политики московского правительства. В обществе не было того сознания исторической традиции, какое жило в гениальном Петре. Близорукие московские люди объясняли себе и внешние предприятия, и внутренние нововведения государя его личными капризами, взглядами и привычками. Частные нововведения они противопоставляли частным же обычаям старины и выносили убеждение, что Петр безжалостно рушил их старину. За разрушенными и введенными вновь частностями общественного быта они не видели общей сущности старого и нового. Общественная мысль еще не возвышалась до сознания основных начал русской государственной и общественной жизни и обсуждала только отдельные факты. Вот почему современникам Петра, присутствовавшим при бесчисленных нововведениях, и крупных и мелких, казалось, что Петр перевернул вверх дном всю старую жизнь, не оставил камня на камне от старого порядка. Видоизменения старого порядка они считали за полное его уничтожение.

Такому впечатлению современников содействовал и сам Петр. Его поведение, вся его манера действовать показывали, что он не просто видоизменяет старые порядки, но питает к ним страстную вражду и борется с ними ожесточенно. Он не улучшал старину, а гнал ее и принудительно заменял новыми порядками. Это беспокойное отношение к своему делу, боевой характер деятельности, ненужные жестокости, принудительность и строгость мероприятий – все это явилось у Петра как результат впечатлений его детства и молодости. Выросший среди борьбы и вражды, видевший и открытые бунты, и тайную оппозицию, Петр вступил на путь реформ далеко не со спокойным духом. Он ненавидел ту среду, которая отравляла его детство, и те темные стороны старой жизни, которые сделали возможной эту среду. Поэтому, уничтожая и видоизменяя старые порядки, он в свою деятельность монарха вносил личные чувства пострадавшего человека. Принужденный бороться

за свою власть и самостоятельность при начале правления, Петр сохранил боевые приемы навсегда. Встреченный открытой враждой сначала, чувствуя и потом скрытое противодействие себе в обществе, Петр все время боролся за то, во что верил и что считал полезным. В этом объяснение тех особенностей в реформационной деятельности Петра, которые сообщили его реформе черты резкого, насильственного переворота.

Однако по существу своему реформа эта не была переворотом.